

УДК: 81'373.61

СТАТУС И МЕСТО АСЕМАНТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В МОРФОДЕРИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА. СТАТЬЯ 1: РОЛЬ ФАКТОРА РЕГУЛЯРНОСТИ

Н. Д. Голев

NON-SEMANTIC ELEMENTS' STATUS AND RANK IN MORPHODERIVATIONAL WORD STRUCTURE. PAPER 1: ROLE OF REGULARITY FACTOR

N. D. Golev

В статье рассматривается проблема функционально-семантического статуса и места в словообразовательной структуре слова тех элементов, которые остаются после выделения в ней базовых компонентов – форманта и производящей основы. Для решения этой проблемы предлагается использовать критерий регулярности словообразовательной модели, с которой этот элемент соотносится на синхронном уровне. Этот критерий предложен В. В. Лопатиным; в данной статье он получает более конкретизированную и углубленную разработку. На очерченном принципе в статье создается типология «остаточных» отрезков по их тяготению к основе (единичные отрезки) или к аффиксу (регулярно воспроизводимые отрезки).

The paper focuses on the problem of functional semantic status and derivational word structure rank of the elements remaining after the word's basic components, namely formant and primary stem, have been singled out. The criterion of derivational pattern regularity is suggested as solution; the element, thereafter, being synchronically correlated with the pattern. Suggested by V. V. Lopatin, this criterion gets a more detailed and profound investigation in the paper. A typology of 'residual' segments as bent to the stem (singular segments) or affix (regularly reproduced segments) based on the outlined principle is set forth.

Ключевые слова: словообразовательная структура слова, асемантические элементы, субморфы, интерфиксы, регулярность словообразовательной модели.

Keywords: derivational word structure, non-semantic elements, submorphs, interfixes, derivational pattern regularity.

«...Последовательное выделение субморфов делает возможным выявление древних синтаксических сочетаний путем анализа морфем, в которые они превратились по мере движения от сочетаний слов внутри предложения к сочетаниям морфов внутри слова и субморфов внутри морфа» [7].

Проявления языка как антиномической сущности так или иначе присутствуют в каждом феномене языка-речи и соответственно – на его морфодеривационном уровне. В гносеологическом плане это предполагает необходимость разграничения различных подходов к таким противоречивым феноменам, что должно способствовать пониманию того, как сопрягаются и взаимодействуют стороны такого рода феноменов, составляющие в онтологии языка их антиномические полюса. В сложных случаях – это единственный способ избежать противоречий в их интерпретации (впервые мысль о возможности разноаспектного подхода к асемантическим элементам – унификсам – высказана Е. А. Земской [5, с. 82]. Подтверждает сказанное концепция унификсов М. Н. Янценецкой [19, с. 44 – 71]. Рассмотрению унификсов в функционально-семантическом аспекте будет посвящена третья часть настоящей статьи). Далее рассмотрим с указанных позиций роль и место в структуре слова «остаточных» элементов, обнаруживаемых после выделения в структуре слов элементов с определенным функционально-семантическим содержанием. Такие асемантические элементы в структурной парадигме нередко называют субморфами [7; 10], интерфиксами [4; 13], незначимыми компонентами [9], внеморфемными зна-

ками [11; 12], остаточными или спорными отрезками [1] и другими терминами.

С точки зрения авторов «Грамматики – 70, 80», подобные элементы во всём их объёме, даже те из них, которые вызваны к «жизни» специфической формой основы, являются компонентами аффиксов, в силу чего последние многообразно варьируются (*шоссе+йн/ый, шоссе+йк/а*) [3]; уточняя это «правило», В. В. Лопатин предлагает относить к суффиксу только регулярные отрезки, а нерегулярные считать принадлежностью основы: *геран(ий)+ев/ый/, буржуа(з)+ий/а/, алгебр (а)+ическ/ий/, ин(дев)+е(ть)* (подробнее об этой концепции будет сказано ниже); высказывается мнение [17, с. 114 – 115] о принадлежности консонантизирующих согласных к основе: *шоссе(й)+к/а*; наконец, ряд ученых, например Е. А. Земская [4], развивают положение об интерфиксной природе субморфов: *шоссе+(й)+к/а, поп+(ов)+ск/ий/*. На наш взгляд, у этих точек зрения обнаруживается разная направленность: в одних случаях явственно стремление сохранить в максимальной «чистоте» исходную форму основы мотивирующей базы), и всё, что нарушает (удлиняет в данном случае) форму такой основы, «сдвигается» вправо, как нерелевантное в данном отношении; в других случаях внимание акцентируется на формально-семантической идентификации аффикса, осуществляемой через выявление его инвариантной формы, к которой, как правило, ближе вариант без наращений; а всё «вариантное» «сдвигается» влево. Таким образом, меняется представление о постоянных и переменных компонентах структуры: один подход – «основоцентристский» –

избирает в качестве постоянного компонента основу, другой – «формантоцентристский» – аффиксы. Концепция интерфиксов находит своеобразный компромисс между этими разнонаправленными точками зрения.

Первая тенденция отражает ономаσιологическое направление (соответствующее направлению речемыслительной деятельности говорящего) и соотносится с направлением перспективного словообразования и функциональной морфодериватологии, вторая – семасиологическое (соответствующее направлению языкотворческой деятельности слушающего) и связанные с ним направления ретроспективного словообразования и формально-семантической морфодериватологии. Ср.: «Цель ономаσιологического познания состоит в том, что интересующее носителя языка (лингвиста) языковое содержание соотносится с формой его выражения. Первичным и обязательным в этом случае является нахождение формы для мотивировочного признака» [19, с. 58]. Форма выражения классификационного признака в данном отношении вторична и до известных пределов безразлична или менее актуальна. Сравним окказиональные названия палки для выбивания (*выбива, выбивки*) пыли: *выбивалка, выбивушка, выбивало, выбиватель, пылебойка* и т. п. «В процессе семантизации, начинающейся с общих формальных показателей, прежде всего выявляется форма и значение аффикса, а затем вычленяется форма корня (основы) и устанавливается в тех или иных пределах – его значение» [18, с. 57]. Так, например, воспринимая слова типа: *старьевщик, чаевничать, ящик, плотник*, слушающий прежде всего воспринимает в них суффиксы

-щик, -ник, -нича-, но не -овщик, -овнича- и не отсутствие лексической мотивации (в *плотник* и *ящик*). Особенно наглядно различие описываемых подходов по отношению к фактам наложения. В словах типа *плотничать, полднича́ть* слушающий должен воспринимать наличие полного суффикса – *нича-* в определенном, «деятельностном» значении (ср. *скоморошничать, чай-овничать*), невзирая на получающийся при этом усеченный характер основы, аналогично – в искусственных образованиях типа *кутырничать*.

Каково место интерфиксов (субморфов) в представленных таким образом процессах семантизации (мотивации) и формализации? Если после суффикса процесс мотивации переходит к основе, где успешно завершается, то обращение к остаточным элементам становится, строго говоря, избыточным. В лучшем случае они могут рассматриваться как некое левое наращение основы, придающее ей призначный характер (ср.: *старый-ев/ой/, чай-ев/ой/*), чем они по своей природе нередко и являются, поскольку призначность – функционально и семантически – важный компонент при образовании окказионализмов от слов с непрозрачным значением, которое должно фиксировать мотивировочный признак в мотивированном слове и, следовательно, должно определенным образом «атрибутироваться». Атрибуция иногда находит формальное выражение при сохранении

некоторой семантической актуальности: *сад+ов* (значение атрибута) +НИК, *колхоз+н+ик, звер+ин+ец, вар+ен+ик, ин(д)+ев/е/ть/, (ср. плесн+ев+е/ть/)*. Но чаще всего такого рода призначность не является обязательной и актуальной. Это подтверждается как формально – через наличие аналогичных образований с отсутствующим «призначным» суффиксом: *звереть, холодец, сатирик*, а при присутствии последнего – его несоотносительностью с атрибутивным словом: *первоклассник, сотрудник, младенец, стержень*; так и семантически – через большую естественность мотивации с опорой на существительное (*чайвничать* – пить чай, а не заниматься «чайным делом»). Кроме того, очень многие субморфы такого типа вообще никогда не соотносились и не соотносятся с призначным значением (*медвежатина*, ср. *телятина* и *конина*), *американский* (ср. *славянский*), так как образовались по аналогии. Интересен пример возникновения остаточного отрезка -к- в окказионализме В. В. Маяковского *молоткастый*, который семантически мотивируется словом *молот*, но не *молото́к*, как предполагает формальная структура производного. В силу этого, по нашим наблюдениям, носители языка при восприятии слова *молоткастый* фактически не замечают отрезка -к-, который оказывается «лишним» как для основы, так и для суффикса (окказиональные истоки такого решения иллюстрируют метаязыковые фантазии рядовых носителей русского языка [1]). Поэтому в формально-семантическом плане многие остаточные элементы, вероятно, можно рассматривать как «ничейные», то есть как интерфиксы: *чай – (ов) – нича/ть/, модель – (й) – ер* (ср. *интервью-эр*), *геран – (ий) – ев/ый/, гену – (эз) – ск/ий/, дун – (ов) – ений/е/* и т. п., но в функциональном плане они (по крайней мере, в перспективе) тяготеют к формантной части.

С этих позиций другое отношение должно быть к таким отрезкам, которые по тем или иным причинам стали неотъемлемой частью основы: *мат (ер) – (ин) – ск/ий, доч (ер) – (н) – ин, зазна (й) – к/а/, слав (ян) – ск/ий/*, (ср. *славистика*) – или аффикса: *-чив-, -лив-, (ср. игривый), -ник-, -нича-* (ср. *подличать, меж/ду/, -ся* (ср. *моясь*). В последних «наращенный» вариант является основным, как бы олицетворяющим инвариант, по отношению к которому остальные (*-нича-, -лив-*) уже воспринимаются, с функциональной точки зрения, скорее, как усеченные.

При формализации содержания (функциональный план) субморфы, не связанные непосредственно со значением, выступают как элементы формы второго порядка (форма формы). В синхронно-системном аспекте на собственно морфодеривационном уровне их роль снижается до образования вариантов морфем. В порождающем плане их функция сводится к приспособлению основ к аффиксам и аффиксов к основе (синтагматический аспект). О характере реализации этой функции говорит следующее положение: «Пока не произошло выбора морфем, не может действовать их взаимоприспособление. Пока не произошло морфонологическое

«сцепление морфов» мы не получим готовой производной основы» [5, с. 23] Таким образом, процесс формализации начинается с мотивировочного признака и морфемы, его выражающей (мотивирующей основы), далее он переходит к классификационному признаку и его выражению в аффиксальной форме. Лишь в процессе соединения данных морфем осуществляется переход от уровня морфем к уровню морфов. Способ перехода от морфемного к морфемному изучен недостаточно. Можно лишь предположить, во-первых, что разные морфы по-разному относятся к плану создания и употребления, и это не может не влиять на способ их перехода из плана морфем в план морфов и, во-вторых, что в процессе формализации имеется две противоборствующие тенденции, о которых скажем подробнее.

С одной стороны, это тенденция к инвариантности, «чистоте» аффикса и модели и, следовательно, к пониманию аффикса в отвлечении от наращений. Данная тенденция исходит из представлений говорящего, сформировавшихся в тот момент, когда он сам воспринимал речь в тексте. В конечном итоге это тенденция к языковой статике, в которой во многом заключена суть языкотворческой деятельности.

С другой стороны, «идеальной» чистоте модели препятствует как избранный для «строительства» слова конкретный языковой материал, могущий быть нестандартным, так и конкретные условия реализации модели, осуществляемой через механизм аналогии, которая, на наш взгляд, чаще всего отталкивается от вполне или относительно реальных единиц на уровне речевого материала (точно так же, как абстрактно сформированный идеал, или «модель» личности, мы стремимся найти, реализовать в конкретных образцах для подражания). «Подражание» в собственно-речевых условиях не равняется точному снятию слепка со структуры образца. Причиной отсутствия точности может явиться сопротивление «строительного» материала или ограниченная «функциональность» морфодеривационных структур и в связи с этим трудность спонтанного вычленения компонентов этих структур. Чаще всего говорящий ориентируется на общее звучание конца слова-образца, например: «Не мог Сапожников решить теорему Ферма, потому что в психбольницах перебивала куча математиков не ему чета, которые пытались эту теорему решить. Их так и называют «ферматиками», и каждое их доказательство занимало пуды бумаги» [2, с. 59]. Ясно, что в данном случае при образовании слова *ферматик* образцом для него было слово *математик*, от которого в слово *ферматик* «отошел» отрезок *-тик* (или *-атик*, если учесть возможность наложения), но так как «чистым» суффиксом здесь является *-ик* (ср. *сатирик*), то *-т-* мы должны рассматривать как наращение именно к суффиксу, ибо, по существу, оно воспринималось говорящим, создающим данный окказионализм, как неотъемлемый компонент модели с данным суффиксом. Точно таким же образом для окказиональных новообразований *гоцотянин* – «житель Гоцо» [16, с. 90] или *подберёнок* (от *подоб-*

рать) [6], или *свинарничать* – «болеть **свинкой**» (пример из [8, с. 135]) и для узуальных образований *кубатура* (*верхотура*), *заводчанин*, *дороговизна*, *поварчонок*, *рулежный* и подобные легко предположить возможность воздействия на их форму при ее производстве таких слов, как *египтянин*, *поварёнок*, *поварничать*, *квадратура*, *однополчанин*, *дешевизна*, *татарчонок*, *долбежный* или им подобных. Такая роль образцов в речи сближает их в определенном отношении с обычными мотивирующими словами и оправдывает понятие «структурная мотивированность», используемое рядом лингвистов. «Мы, «атакёры», такие ходы не пропускаем», – улыбаясь говорил Нежметдинов, причем непривычное «атакёры» в его устах звучало так же гордо, как мушкетёры» [14]. Влияние слова «мушкетёры» объясняет, почему не выбраны возможные образования типа *атакисты*, *атаковальщики* и др., а именно *атакёры*. Нельзя исключать воздействия на выбор образцов случайных факторов, прежде всего спонтанной актуализации того или иного слова. Так, на вопрос о наименования детёныша антилопы **гну** нами получены разные ответы: *гнурёнок*, *гнучёнок*, *гнунёнок* и другие – думается, вследствие влияния разных слов-образцов: *тигрёнок*, *зайчонок*, *ягнёнок* и под. Возможно, что в ряде случаев имеет место влияние языковой моды, например при употреблении вариантов суффиксов *-уальн-*, *-альн-* или *-ианск-* вместо *-н-* и *-ск-* у прилагательных (ср. *контекстуальный* и *марсианский*).

Неограниченность подражания по глубине финали слова в сочетании с необходимостью морфологического приспособления способствует «обрастанию» исходного суффикса наращением, некоторые из которых достигают нескольких «ярусов»: *муссолини - (й) - (ев) ск / ий / (ср.*

Сомали - (й) ск / ий, мэфистофел-(ев) ск / ий /, свекл - (ов) - (ич) н / ый /, троп - (е) - (ист) - (ич) -(е) ск / ий / (от троп), (ср. юмор - (ист) - (ич) - (е) ск / ий /); субстанции (он) - (аль) - н / ый / (ср. субстанции (аль) - н / ый /, дистанци - (он) - н / ый /;

интервенци - (он) - (ист) - ск / ий, / драм - (ат) - (ич) - (е) - ск / ий / (ср. человек - (е) - ск / ий /), океан - (ич) - (е) - ск / ий /, дун - (ов) - (е) - ний / е / (ср. печата-ний / е /, рыхл - (е) - ний / е /, распил - (ов) - к / а / и т. д.

Все это, несомненно, есть отражение тенденций к изменчивости, к языковой динамике. Ее носителем выступает говорящий субъект. Таким образом, синтагматическая направленность постепенно преобразуется в парадигматическую; в соответствии с этим меняется и функция субморфа. В парадигматическом аспекте она становится «вариантообразующей» (ср. с формо- и словообразующей функцией знаменательных морфов).

В противоборстве отмеченных тенденций осуществляется развитие словообразовательных моделей в языковой системе: чем выше регулярность данного варианта, тем сильнее спаянность «чистого» суффикса с тем или иным наращением, тем в большей мере он воспринимается слушающим и ис-

пользуется им в позиции говорящего как готовый, а не даваемый в речи вариант. Выше было отмечено, что некоторые варианты изменяются качественно еще больше, если становятся основными (*-ний-*, ср. *рукоделие*; *-лив-*, ср. *игривый*; *-ник-*, ср. *передовик*) или приобретают индивидуальные функционально-семантические черты (*-ин-* суффикс отнаречных прилагательных типа *доминошный*; *-ану-* – суффикс со значением однократности с дополнительным признаком интенсивности, ср. *толкнуть* и *толкну́ть*; *-ианск-* – суффикс прилагательного, указывающего на принадлежность к идейным течениям, *-лк-* – суффикс с более узким значением функции предмета, вещи, изделия, ср. *тяпалка* и *тяпка*, *сушилка* и *сушка*). Критерий регулярности для определения места субморфа в структуре слова выдвинул В. В. Лопатин, отметивший: «...При нерегулярных формальных соотношениях сопоставляемых основ (например: герань – *гераниј-евый*, иней – *индев-еть*, алгебра – *алгебра-ический*, буржуа – *буржуаз-ный* и *буржуаз-ия*) целесообразно относить «спорный отрезок к корню» [10, с. 47]. Аналогичную трактовку В. В. Лопатин предложил для случаев типа *схематический*, *астматический*, где *-ат-*, по мнению автора, следует отнести к корню, так как он в производных регулярно воспроизводится вместе с ним (решение к привязке к корню конечного *-а-* в *алгебра-ический*, так же, как отнесение гласных к корням в *траси-льщик*, *плете-льщик*, *стригальщик* [10, с. 48] нам представляется неубедительным, противоречащим многим принципам и морфемного, и словообразовательного анализа. Что касается *-ат-* в *схем(ат)-ический* и подобных, то они имеют аналогию с производными типа *неб(ес)-ный*, *доче(ер)-ный*, но в то же время нельзя не отметить, что они существенно отличаются от них, поскольку варианты субстантивной основы с наращением и без такового реально представлены в системе морфем русского языка, а именно – в парадигмах склонения. Точно так же разнообразные и весьма регулярные наращенные глагольной основы, обслуживающие словоизменение глагола, являются несомненной принадлежностью именно основы. Привязка *-ат-* к основе строится в концепции В. В. Лопатина на основе частичной регулярности (хотя и не достигающей уровня обязательности, как в словоизменении, ср. *схемка*, *схемный*, *схемотехника*) их появления в словообразовательных парадигмах, и по этой причине, на наш взгляд, есть основания для признания корней типа *драм-* и *драмат-* вариантными. Их, скорее, можно назвать «вариантоидами» – по аналогии с терминами «суффиксоид», «унирадиксоид» и подобными), а также случаев типа *старожил(л)*, *стеклоду(в)*. К случаям, в которых регулярность дает основания для причисления наращенного к левой части суффикса, В. В. Лопатин отнес случаи типа *-ианск-* (*Кант - кант-ианск-ий*), *-лец* (*страда-лец*), *-льщик* (*носи-льщик*), *-лк-* (*сея-лк-а*).

Зависимость спаянности суффикса с наращением от регулярности можно показать на таком примере. Если носители литературного языка в словах *кустарник*, *шиповник*, *земляника* отрезки *-ар-*, *-ов-*, *-*

ан- могут рассматривать как «остаточные» реликтовые элементы неясного происхождения и функции и, следовательно, их место в структуре будет восприниматься как нефиксированное (*ар*, *ов*, *ан* – интерфиксы), то носителям диалектов, где наряду с приведенными словами функционируют аналогичные: *пихтарник*, *осокарник*, *кочкарник* (локальные объекты); *коневник*, *чащовник*, *дедовник*, *борщовник* (растения); *костяника*, *княженника*, *голубеника* (ср. *голубика*) и другие (ягоды), – гораздо целесообразнее видеть более или менее целостные аффиксные образования — *-арник*, *-овник*, *-арник* –, выполняющие, таким образом, в их языковом сознании и определенной классифицирующую роль.

Этот пример достаточно наглядно показывает функциональную роль наращений, возникающих по аналогии, но не являющихся фонетически обоснованными (ср. *контекстный* и *контекстуальный*, *геройский* и *героический*, *молдавский* и *молдаванский*, *карагандинский* и *угандийский*, *судный* и *судебный*, *зубной* и *зубовный*, *поливной* и *поливальный*, *сатанеть* и *чертенеть*, *свежина*, *свеженина* и *свежатина*, *урожайский* и *урожаевский* (о спортобществе), *космополитский* и *космополитический*, *аристотельский* и *аристотелевский*, *национализировать* и *националовать*, *чертёнок* и *чертенёнок* и др. С обретением свойства воспроизводимости меняется функциональная направленность усложнённых суффиксов и собственно усложняющих элементов: от синтагматической организации морфем (приспособление формантов и мотивирующих баз) к парадигматической организации мотивированных образований. Нарращениям в какой-то мере присуща интегрирующая функция, свойственная полнозначным морфемам. Например, интегрирующая функция префиксов, заключается в их способности формировать синонимические ряды. Объединение факторов синтаксического контекста и ассоциации синонимов (или слов близких по значению) внутри одного словообразовательного типа и приводит к лексической фиксации определенного значения» [15]. Осложнённые суффиксы действительно некоторым образом фиксируют лексическую семантику, и в этом смысле они более выразительны, чем обычные суффиксы. Так, скажем, суффикс *-уальн-* (в отличие от *-н-*) более определённо говорит об общеполном (недискретном) словообразовательном значении, которое в прилагательных с обычным суффиксом *-н-* часто семантически дифференцируется определенным образом: *лес - лесной*, *конь - конный*, *шум - шумный*; он более связан с абстрактными мотивирующими словами, как правило, терминами иноязычного происхождения: *контекстуальный*, *интеллектуальный*, *узальный*, *процессуальный* и др. Намечаются и более глубокие тенденции функционально-семантической дифференциации, например, варианты *-инск-*, *-анск-* тяготеют к топонимическим основам (ср. *тайга - тайгинский*, *зима - зимний*, но г. *Тайга - тайгинский*, и пос. *Зима - зиминский*); имеются и более частные проявления интеграции: субморф *-ий-*, например, нередко оформляет прилагательные от названий стран: *угандийский* (ср. *Кара-*

ганда – карагандинский), сомалийский (от Сомали), шриланкийский (от Шри-Ланка), что выглядит естественным, учитывая типичность финали –ий у основ этих названий: варианты -овск-, -евск- – к наименованиям лиц (мефистофелевский, толстовский, вердиевский); -ическ- – к абстрактным явлениям (демократический, платонический, биологический, циклический). Разумеется, говорить здесь приходится лишь о некотором тяготении, но не о законах сочетаемости. Тем не менее это каким-то образом откладывается в языковом сознании носителей языка, и не случайно слово океанический, появившееся одно время в торговом обиходе, вызывало известное чувство неприятия, на наш взгляд, именно потому, что суффикс -ическ- «придавал» этому обыденному слову абстрактный характер.

С интегрирующей функцией субморфов неразрывно связана дифференцирующая (или дивергентная): многозначный или многозначительный, зубной и зубованный, осудить и обсудить, небо – небный и небо – небесный (в данном случае дифференцирующая функция осуществляется через выбор варианта основы, к которой и должен быть отнесен отрезок -ес), философский – философический, судный и судебный, конский и коневский (от фамилии Кони), князь – княжеский, с. Князи – князевский, дуб – дубеть и дуб – дубенеть, дом – домина и дом – домовина, поливной и поливальный (разные релятивные семы) и др.

Закономерности употребления субморфов по аналогии» связаны не только с функционально-семантическими факторами – и в этом их противоречивость, но и с чисто фонетическими: односложностью мотивирующего слова: шутовской, нищенский, наличием неудобнопроизносимых сочетаний звуков (нищенский, марксовский, но энгельский), а также со структурными факторами, в частности с аббревиатурным составом мотивирующего слова типа роддомовский, детсадовский).

Литература

1. Антипов, А. Г. Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) / А. Г. Антипов // Вестник КемГУ. – 2010. – № 2.
2. Анчаров, М. Самшитовый лес / М. Анчаров. – Новый мир, 1979. – №10.
3. Грамматика современного русского литературного языка. Т. 1. Репринтное издание. – М., 2005.
4. Земская, Е. А. Интерфиксация в русском словообразовании / Е. А. Земская // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964.
5. Земская, Е. А. О понятии «позиция» в словообразовании / Е. А. Земская // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975.
6. Золотухин, В. На Исток-речушку к детству моему / В. Золотухин. – М., 1979.
7. Иванов, Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему / Вяч. Вс. Иванов. – М., 2004 (раздел 2. «Субморфы и их диахроническая значимость»).
8. Капанадзе, Л. А. Об актуализации морфемной членимости слова в речи (употребление префиксальных глаголов в русской речи) / Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975.
9. Кукушкина, О. В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфонологии / О. В. Кукушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2008. – № 5.
10. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977.
11. Поздняков, К. И. О природе и функциях внеморфемных знаков / К. И. Поздняков // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6.
12. Поздняков, К. И. Микроморфология или морфология парадигмы? / К. И. Поздняков // Язык и речевая деятельность. 2002. – Т. 5. Филологический факультет СПГУ. – 2003.
13. Попова, М. Т. Некоторые закономерности фонемного состава интерфиксов / М. Т. Попова // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3 – 2.
14. Советский спорт. – 1973. 26 сентября.
15. Соколов, О. М. О дифференцирующей и интегрирующей функциях глагольных префиксов / О. М. Соколов // Труды ТГУ. – Томск, 1968. – Т. 197.
16. Стурра, М. Путешествие на Гоцо / М. Стурра // Новый мир. – 1978. – № 2.
17. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968.
18. Янценецкая, М. Н. О двух методах и аспектах анализа производных слов / М. Н. Янценецкая // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1977. – Вып. 2.
19. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск, 1979.